

Укус ядовитой змеи — вовсе не пустяк. У Юй Шанчжи мгновенно изменилось лицо, он тут же протянул руку:

— Эрню, помоги, подведи меня к нему.

Вэнь-эрню, едва сдерживая всхлипы, быстро провела его к тележке. Юй Шанчжи опустился на колени рядом с Вэнь Ецаем, нащупал его запястье и приложил пальцы к пульсу. Стоило приблизиться — он сразу услышал тяжёлое, хриплое дыхание Вэнь Ецая, в котором сквозило сдавленное страдание. От этого звука сердце Юй Шанчжи сжалось, как будто кто-то резко дернул за его самую уязвимую жилу. Он усилием воли заставил себя собраться и, сосредоточившись, стал внимательно слушать биение пульса, стараясь определить, насколько сильно подействовал яд.

Сюй Пэн, мужчина, понимавший, что ему полагается соблюдать приличия, после того как затащил тележку с телом во двор, сам отошёл к воротам. Он давно хорошо знал семью Вэнь, а сложением был будто железная башня — стоял там, как грозный каменный страж. К дверям подошли Даван и Эрван, затаившись у прохода. Всё это вместе остудило пыл любопытствующих. Люди, сбежавшиеся поглазеть, теперь не решались приближаться — только стояли в сторонке, шептались, переминались с ноги на ногу.

Однако кое-кто всё же не выдержал:

— Сюй Пэн, что случилось-то? Почему шум такой?

Нахмурившийся Сюй Пэн не стал называть имени Вэнь Ецая. Он кратко и сдержанно бросил:

— На южной тропе, что с гор спускается, есть ядовитые змеи. Кто туда пойдёт — будьте осторожны.

— Ядовитая змея?! — толпа вздрогнула. На горе Фуху, конечно, водились змеи, но чтобы ядовитая да ещё и вдоль спуска с горы — такого почти не бывало. Тем более сейчас ещё не лето, змеям рано выбираться на открытое солнце.

А ведь южная тропа, на которую указал Сюй Пэн, шла совсем рядом с деревней, с пологим уклоном — по ней чаще всего и ходили. Теперь, если даже такой опытный охотник, как Вэнь Ецай, да ещё и с собакой, умудрился стать жертвой — это уже серьёзная угроза.

Тут же кто-то предложил:

— Надо сообщить старосте! И собрать несколько мужчин — пойти, изловить змею.

— А если не поймать? Кто тогда в горы пойдёт? А как же еда с горы, как дрова на зиму собирать?

У ворот разразился настоящий спор: одни за, другие против, люди перебивали друг друга, шум нарастал, каждый кричал громче соседа.

А во дворе, за шумом, царила совсем иная тишина, напряжённая, собранная. Вэнь-эрню вбежала в дом, нашла кресало и зажгла масляную лампу, приподняла её повыше — свет озарил небольшой участок комнаты, едва касаясь грубо обитых стен. В этом тусклом свете Су Цуйфэнь подошла к телу, осторожно откинула накиннутую на Вэнь Ецяя куртку. Затем взяла ножницы и принялась разрезать штанину, насквозь пропитанную кровью. Ткань неохотно разошлась, и под ней обнажилась рана, жуткая, неровная, уже начавшая темнеть по краям — след от укуса.

На левой голени Вэнь Ецяя ясно виднелась опухоль, распухшая до неестественных размеров. На вздувшейся икре — два отчётливых следа от змеиных клыков, по краям которых раскинулась уже почерневшая, засохшая кровь. Су Цуйфэнь хоть и была женщина, но всё же не из хрупких — однако при виде такой жуткой раны у неё подогнулись колени. Но если она не поможет Юй Шанчжи — на кого рассчитывать? Эрню ведь всего лишь девчонка, ей с таким не справиться. Стиснув зубы, она глубоко вдохнула и, пересилив отвращение, присмотрелась внимательнее.

Только после этого повернулась к Юй Шанчжи и сказала:

— На ране два разреза — видно, Цай-гер сам себе ножом их сделал. А на ноге — повязка из рубахи, значит, он успел перетянуть ногу, я думаю, немного яда он всё же выдавил. Но вот... почему это не сработало?

Юй Шанчжи нахмурился. Он снова мысленно проверил прочитанные по пульсу данные и серьёзно проговорил:

— Скорее всего, яд слишком силён. Он только начал давить — и яд почти сразу подействовал, он потерял силу, онемели конечности, дыхание стало прерывистым. Но... он всё же успел перетянуть — и это его спасло. Яд ещё не разошёлся по всему телу. Мы ещё успеем.

— Брат Юй... — голос Эрню задрожал. Она изо всех сил прикусила губу, её лицо сморщилось от страха. — Что делать теперь? С моим братом всё будет хорошо?..

Никогда за всю свою жизнь она не видела ничего подобного. Её старший брат, который всегда казался таким сильным, который умел всё — теперь лежал, тяжело дыша, губы у него посинели, на лице — выражение сильнейшей боли.

Масляную лампу Су Цуйфэнь уже взяла в руки, чтобы освещать то, что будет происходить дальше. Вэнь-эрню отошла в сторону, крепко сжав ладошку Вэнь-санъя. Они переглянулись, прижались друг к другу плечами — и вдруг осознали, что весенний ветер этой ночью как-то особенно холоден. Никто из них не осмеливался сказать вслух то, что грызло в самой глубине души: после того как ушли мать с отцом... они до ужаса боялись, что теперь и старший брат может их оставить.

И в этот момент — когда страх почти стал ощутимым, раздался голос Юй Шанчжи, ровный и уверенный, как камень, брошенный в туман:

— Пока я здесь, с ним ничего не случится.

И словно по команде все в доме начали действовать. Вэнь-эрню принесла целый глиняный кувшин с кипячёной водой, которую с самого утра держали тёплой на очаге. Вместе с Су Цуйфэнь они быстро начали промывать рану, смывая запёкшуюся кровь, остатки грязи и возможного яда. Когда промывание было завершено, Юй Шанчжи сполоснул рот солёной водой, присел рядом с пострадавшим и без колебаний наклонился, чтобы ртом начать высасывать яд из раны.

— Ах ты ж Господи! — ахнула Су Цуйфэнь, в панике затоптав ногами по полу. — Да он же сам больной! Да у него ещё болезнь не прошла! А в этой крови яд... если к нему попадёт...

Она была в ужасе: кто не знает, что яд через слизистую — всё равно что через вену? Да и Юй Шанчжи сам ещё не оправился после лихорадки. Су Цуйфэнь от страха едва не плакала, стоя рядом и глядя, как тот склоняется к ране.

Но Юй Шанчжи ничего не слышал. Не потому что был глух, а потому что уже полностью сосредоточился на одном — спасти Вэнь Ецяя.

Он повернул голову, и Вэнь-санъя тут же сообразительно подал ему тазик. Юй Шанчжи начал высасывать кровь из раны, по несколько раз, и каждый раз — выплёвывал в тазик. Семь, восемь раз — пока, наконец, цвет крови не стал чище, ярко-красным.

Губы его начали неметь, но он даже не позволил себе выдохнуть с облегчением.

— Сейчас будем ставить иглы, — ровно сказал он. — Нужно унести А-Е в дом.

Су Цуйфэнь, услышав это, тут же выбежала к воротам, где всё ещё стоял Сюй Пэн, и велела ему сбежать за их вторым сыном — Фу-гером. Фу-гер был пятнадцатилетним гером, сил у него было больше, чем у Эрню, и при этом он не нуждался в правилах приличия, как взрослый мужчина.

Мальчишка примчался быстро. Он отшатнулся, увидев состояние Вэнь Ецяя, но быстро взял себя в руки. Вместе с матерью они аккуратно перенесли раненого в дом, уложив его на кровать. Юй Шанчжи уже ждал у постели, в руках — иглы, прокалённые над огнём, переданные Вэнь-санъя. Он на ощупь точно нашёл восемь точек — по четыре на руках и ногах — и молниеносно ввёл иглы. Их кончики мгновенно потемнели, вытягивая яд. Следом Юй Шанчжи начал продавливать вдоль меридианов, выдавливая из мест уколов густую, почти чёрную кровь. Линия за линией, точка за точкой, он работал быстро, точно и бесстрашно.

Из-за задержки в пути, хоть яд и не успел разнестись по всему телу, вся его масса уже накопилась в области голени. Если немедленно не пробить меридианы и не выгнать остатки, последствия могли бы быть непоправимыми. Этот этап был самым критическим. Малейшая ошибка — и всё, что было сделано прежде, пойдёт прахом.

Юй Шанчжи сосредоточился целиком, ни на секунду не отвлекаясь. Вокруг — гробовая тишина. Никто не смел даже вздохнуть громко.

Наконец, когда вся тёмная, отравленная кровь была выведена, на кончике носа Юй Шанчжи выступила испарина. Он слишком резко выпрямился — голова закружилась, пришлось глубоко вдохнуть пару раз, прежде чем всё вокруг немного прояснилось. После этого он сразу перечислил несколько названий трав, которые обычно встречаются в окрестных холмах и лесах. Из них можно было приготовить дезинфицирующий напиток с пятью вкусами — один из надежнейших рецептов против змеиного яда.

Су Цуйфэнь тут же велела Фу-геру сбегать к отцу и передать всё слово в слово. Услышав об этом, Сюй Пэн ничего не сказал — просто сразу ушёл искать нужные травы. Вместе с ним в лес отправились несколько мужчин из деревни, кто хорошо знал Вэнь Ецяя и уважал его.

— Пусть даже сейчас не пригодится, — говорили они, — впереди жара, а это значит — сезон ядовитых змей только начинается. Лучше уж приготовить заранее.

В деревне большинство людей неплохо знали травы против ядов, а такие крестьяне, как Сюй Пэн, были ещё и быстроногими — в горы и обратно они бегали, словно по ровной дороге.

Пока Вэнь-эрню только-только вскипятила воду и простерилизовала несколько кусков чистой хлопчатобумажной ткани, Сюй Пэн уже успел вернуться, принеся целую охапку фиолетового женьшеня (цзы хуа ди дин), а ещё жимолости и семян тянькуй.

Времени искать ступу, чтобы растолочь траву, уже не было. Юй Шанчжи просто ополоснул фиолетовый женьшень, кинул несколько листьев себе в рот, разжевал до кашицы и тут же выплюнул прямо на рану, после чего перевязал всё только что вываренной тканью, чтобы зафиксировать компресс. Затем он быстро назвал дозировки для приготовления отвара от яда пяти вкусов. Две недостающие травы — одуванчик и дикая хризантема — в доме уже были, их можно было сразу пускать в дело. Оставалось добавить полчашки рисового вина, чтобы усилить действие лекарства.

Вспомнив, что Ху Дашу приносил вино, когда у Сяо Дие был жар, Юй Шанчжи решил: у них точно должно что-то остаться. Су Цуйфэнь тут же побежала к ним и, не раздумывая, попросила немного вина взаимы.

Приготовление отвара требовало времени. После всей этой хаотичной суеты всё немного успокоилось — хоть на короткое время. Су Цуйфэнь, тяжело дыша, присела в углу, прижимая ладонь к груди. Рядом сел Фу-гер, виновато опустив голову и даже не осмеливаясь глядеть на Юй Шанчжи.

— Сыночек Юй, — выдохнула Су Цуйфэнь, — так Цай-гер... теперь точно будет жить, да?

Юй Шанчжи выплюнул воду после полоскания рта и, утомлённо кивнув, произнёс:

— Нужно понаблюдать ещё одну ночь, но, скорее всего, угрозы жизни больше нет.

Немного передохнув, он поднялся и, сложив руки в жесте уважения, обратился к Су Цуйфэнь:

— В этот раз благодарю тётушку, дядюшку Сюй и Фу-гера за помощь. Когда А-Е восстановится, мы с ним непременно придём отблагодарить вас лично.

Су Цуйфэнь поспешно отмахнулась:

— Ай, перестань, зачем такие слова, с ума хочешь свести старую тётку? Какие ещё благодарности! Мы ведь просто мимо проходили, по дороге. Цай-гер с детства на моих глазах вырос — как же я могла бы спокойно смотреть, как с ним что-то случится? Мне не нужно, чтобы он благодарил, и от тебя того же не требуется!

Теперь, когда стало ясно, что с Вэнь Ецаем всё в порядке, семье Сюй было неудобно задерживаться дольше. После того как они ушли, у Вэнь-эрню и Вэнь-санъя глаза всё ещё были влажными, а следы слёз давно высохли на лицах.

— Брат Юй, а когда старший брат проснётся? — Вэнь-санъя, который за последние дни сильно привязался к Юй Шанчжи, часто проводя с ним время, подошёл поближе. Он долго-долго смотрел на Вэнь Ецай, а затем снова перевёл взгляд на Юй Шанчжи. Маленькое личико было полно тревоги.

— До рассвета он проснётся. Я побуду с ним рядом. Эрню, ты отведи Санъя поесть чего-нибудь.

Двое младших, изначально мечтавших о тушёной рыбе с тофу, и представить не могли, что домой им вернётся не сытный ужин, а отравленный и раненый Вэнь Ецай. Сказав своё, Юй Шанчжи будто что-то ещё вспомнил, добавил, строго наставляя:

— Санъя, тебе при твоей болезни особенно нельзя волноваться. С твоим братом всё будет хорошо, не бери в голову, слышал?

— Брат Юй, ты не переживай, я понял, — Вэнь-санъя энергично кивнул, и, держась за руку Вэнь-эрню, неспешно удалился.

Оба оглядывались на каждый шаг, пока, наконец, с неохотой не прикрыли за собой дверь, стараясь не шуметь.

В доме вновь воцарилась тишина. Юй Шанчжи всё это время мысленно вёл счёт времени. Спустя долгую паузу он склонился, вслушался: дыхание Вэнь Ецая больше не было таким судорожным и тяжёлым, как прежде. Он коснулся его лба — температура по-прежнему высокая, этой ночью жар вряд ли обойдёт стороной.

Проведя тщательный осмотр, он в завершение вновь прощупал пульс. У отравленных людей пульс всегда сбивается: то частый, то медленный, в народе это называют «воробьиным клевом». А в душе самого Юй Шанчжи в этот миг творилось то же самое — ни покоя, ни ровного ритма.

Укус ядовитой змеи — даже в наше время это чрезвычайно опасно. Если бы он опоздал хоть на немного, то, даже несмотря на все его умения, боюсь, уже не смог бы спасти Вэнь Ецая. А это значит, что он был всего в шаге от того, чтобы навсегда потерять его.

Эта мысль, раз появившись, прорвалась, как лед на весенней реке: тяжёлая вода рванулась с такой силой, что остановить её было уже невозможно.

Прошло около двух часов. За это время он трижды вливал Вэнь Ецаю отвар — тот вызывал рвоту, но это было только к лучшему.

К полуночи жар начал спадать, из высокого перешёл в умеренный, и хотя человек, лежащий на кровати, ещё не пришёл в сознание, пульс его стал куда ровнее и спокойнее. Юй Шанчжи наконец немного расслабился, заставил себя съесть приготовленную Вэнь-эрню простую лапшу и выпил назначенное себе же лекарство.

В составе отвара были и успокоительные травы, но спать ему всё равно нельзя. Он изо всех сил боролся с сонливостью, снова и снова повторяя про себя диагностические формулы, чтобы хоть как-то взбодриться.

В тёплом, чуть мутноватом свете лампы Вэнь Ецай лежал тихо, без движения. Масляный светильник на столе уже выгорел на треть. Где-то во дворе залаяла собака, и вскоре раздались быстрые шаги — отдалённые сначала, но всё ближе и ближе.

Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась Вэнь-эрню.

— Брат Юй, дядя Сюй и брат Дашу пришли! Они с собой ещё и Давана взяли — все вместе пошли по следу, нашли и убили ту змею! А ещё принесли обратно рыбацкую корзину брата — там, представь, внутри и правда осталась большая рыба!